

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА БЕЗУМИЯ М. ФУКО В РОМАНЕ М. ЭТВУД «ОНА ЖЕ ГРЕЙС»

REPRESENTATION OF M. FOUCAULT'S CONCEPT OF MADNESS IN THE NOVEL OF M. ATWOOD «ALIAS GRACE»

Н. А. ВЕРБЕЛЬЧУК
N. VERBELCHUK

*Белорусский государственный университет
факультет социокультурных коммуникаций
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: verbelchuck.n@yandex.ru*

В статье представлена репрезентация идей М. Фуко о власти, безумии и психиатрии в романе М. Этвуд «Она же Грейс». При анализе были использованы аналитический метод, индукционный метод, структурный и функциональный методы. В ходе исследования были проанализированы работы М. Фуко и роман М. Этвуд «Она же Грейс». В результате были продемонстрированы концепция дисциплинарной власти, безумия и истерии, а также «власти-знания».

The article is devoted the representation of M. Foucault's ideas about power, madness and psychiatry in the novel «Alias Grace» by M. Atwood. Analytical method, induction method, structural and functional methods were used in the analysis. In the course of the study, the works of M. Foucault and the novel by M. Atwood «She is Grace» were analyzed. As a result, the concepts of disciplinary power, insanity and hysteria, as well as «power-knowledge» were demonstrated.

Ключевые слова: безумие; дисциплинарная власть; истерия; корабль дураков.

Keywords: insanity; disciplinary power; hysteria; ship of fools.

Книга М. Этвуд «Она же Грейс» повествует о Грейс Маркс, ирландской служанке, обвиняемой вместе с другим слугой Джеймсом Макдермоттом в убийстве своего хозяина и его экономки. Это сенсационное дело продолжает привлекать внимание общественности, роль Грейс в убийствах остается неясной по сей день, а многослойное произведение автора открывает простор для исследований: была ли безумной служанка или невинной жертвой социума того времени.

Содержание книги непосредственно пересекается с многими работами М. Фуко. Несмотря на то, что в послесловии Этвуд не указывает философа в качестве источника вдохновения, очевидно, его прямое влияние. В работе «Безумие и неразумие. История безумия в классическую эпоху» Фуко рассматривает видоизменения безумия и его форм на примере изоляции из социума. Первой формой отчуждения безумцев стал знаменитый «корабль дураков», на котором умалишенных высылали подальше от общества (см. [1]).

Грейс переживает вынужденную эмиграцию из Северной Ирландии в Канаду на корабле. Описание корабля и путешествия в целом соотносится с концептом корабля безумцев. В обоих находились маргинальные элементы, которые стремились к лучшей жизни, точке, где находился идеал. Грейс описывает их в своем повествовании как «все-го лишь своего рода трущобы в движении» [2, с. 134]. Таким образом, они подвергаются определенной форме социального контроля и прикованы к кораблю, который невозможно покинуть. Сам процесс плавания является маркером переходного статуса: безум-

цы изолированы в подвижной стихии, которая может привести их в любую точку мира и в то же время служит «изнанкой» этого мира.

Постепенно начало развиваться «классическое» понятие безумия. На смену традиции отлучения прокаженных в классическую эпоху приходит изоляция. Сама практика изоляции должна была выполнять множество функций: обеспечить надзор за огромным количеством безумцев и неугодных социуму маргиналов и уменьшить процент безработицы. Справлялись они с этим с помощью домов призрения и госпиталей, при которых открывали небольшие производства. Именно в такое место попадает Грейс.

Трудно рассуждать о репрезентации тюрьмы, не рассмотрев концепцию Фуко. Он выделил три типа власти: суверенную, дисциплинарную и биовласть. Первый существовал в Средневековье и ассоциировался с сувереном, вся власть была в его руках, преобладали физические наказания, а казни проводились открыто для устрашения людей.

На смену ему в Новое время приходит дисциплинарная власть, где система наказаний более изоциренная и скрытая, а власть охватывает больше сфер. В правовой сфере распространена нормализующая санкция, порицающая не только преступления, но и мелкие проступки. Используется иерархический надзор, где происходит незаметное наблюдение за людьми. Происходит это с помощью специальных пространств, где каждый имеет свое место. Яркий пример полного воплощения дисциплинарной власти – паноптикум, концепт из произведения И. Бентама. Право на использование тела человека перешло в управление его телом и жизнью.

Третий тип власти, биовласть, начал формироваться в конце XVIII века. Он рассматривает человека как биологический организм и контролирует его жизнедеятельность с точки зрения медицины. Именно данный тип власти превратил социум в полицейское государство. Биовласть не гарантирует сохранность границ, зато она обещает поддержание здоровья человеку. Такое явление, по мнению Фуко, связано с возникновением диспозитива сексуальности (см. [3]).

Методы, с помощью которых Грейс превращается в субъект дисциплинарного пространства, многочисленны и коварны. Грейс подвергается регулярным проверкам, произвольным предписаниям и постоянному надзору, не говоря уже об играх за власть и мелком соперничестве.

В своем рассказе о Кингстонской тюрьме Грейс ясно дает понять, что заключенные спокойно нарушают правила и совершают акты мести друг другу. Оставшиеся в самом низу иерархии старательно пытаются изменить ее, причиняя вред друг другу. Тюрьма в произведении – отдельная пенитенциарная система, в которой происходит борьба за власть, где заключенные и другие соперничают за любую крошечную степень контроля, существуя в поле контролируемой государством власти.

Как описывал Фуко, тюрьма представляет собой частный образец общей системы социального контроля. Однако в его исследовании было упущено влияние социальных категорий. В произведении (как, впрочем, и в жизни) Грейс считали виновной в убийстве еще до того, как она была осуждена. Повлиял пол, класс и происхождение. Все посчитали, что, во-первых, женщина уговорила своего соратника Джеймса Макдермотта на убийство, соблазнив его. Во-вторых, в газетных отрывках того времени часто подчеркивали, что она – обычная служанка. В-третьих, ее ирландское происхождение сделало ее заочно виноватой еще до суда: «Я действительно приехала с Севера Ирландии; хотя я подумала, что это было очень несправедливо, когда они записали, что оба обвиняемых были из Ирландии, по их собственному признанию. Это звучало как преступление, и я не знала, что быть выходцем из Ирландии – это преступление; хотя я часто видела, как к этому относились как к таковому» [2, с. 116].

Пол, раса и положение Грейс в статусе прислуги ставят ее в центр дебатов о судьбе прислуги в обществе. Как отмечают историки, сенсационное дело об убийстве, «связанное с сексом, насилием и неподчинением, доведенным до крайности, ярко продемонстрировало гендерную, классовую и этническую напряженность в отношениях хозяин/госпожа-слуга. Это также выявило сложную и гендерную реакцию общественности на ирландских иммигрантов» [4, с. 133]. К тому же действие происходит в середине XIX в., когда ирландские женщины были наиболее арестовываемой группой населения.

Ссылаясь на такие идеологические тюрьмы, которые интерпретируют субъектов как преступников, Этвуд показывает, что тюрьма на самом деле не является пространством, отделенным от более широкого социального мира, из которого субъекты «удаляются», а вместо этого является зеркальным отражением неравенства, которое уже существует. Тюремное заключение Грейс лишь демонстрирует, что она все время находится в замкнутых пространствах, ведь это – часть системы: крошечные спальни на чердаке, душные корабельные трюмы, небольшие гостиные и тесные лестницы.

Канада была страной строгого классового разделения, основанного на ее верности британской короне и классу. Роман создает сильное ощущение социального разделения, в данном случае, между здравомыслящими и безумными, предполагая, что включение в эту вторую группу зависит от низкого социального происхождения, а также от того, что она женщина: «Одна из них была там, чтобы убежать от своего мужа, который избил ее, он был сумасшедшим, но никто не стал бы его сажать» [2, с. 34].

То, как описывает данные пространства М. Этвуд, пересекается с идеями Фуко о пространствах. Он отмечал, что определенные пространства можно охарактеризовать как «гетеротопии отклонений», где «размещаются индивиды, поведение которых отклоняется от требуемого среднего или нормы» [5, с. 25]. Они помогают свернуть работу, общественные места и досуг в одно здание, ограничив контакты. В случае Грейс она была такой же неоплачиваемой домашней прислугой губернатора, выполняющей привычные обязанности по шитью, стирке и приготовлению пищи, как и обычная заключенная.

На протяжении всего романа Грейс покидает территорию исправительного учреждения только дважды: сначала в 1852 г., когда ее переводят в Провинциальный Сумасшедший дом, а затем снова в 1872 г., когда ее помиловали. Очевидно, что тюрьма – это пространство застоя и заключения, которое физически ограничивает ее передвижение. И все же Этвуд парадоксально представляет тюрьму как текучее пространство, в котором постоянно многое меняется. Так, Грейс может покинуть территорию тюрьмы, чтобы хорошо шить в губернаторской гостиной и работать на кухне; ее ценность как домашней прислуги считается выше, чем любая потенциальная угроза, которую она может представлять, как заключенная. Именно так рассматривает дисциплинарная власть любого человека – это экономически выгодный человек в слаженно работающей системе. Грейс ценнее в доме за работой, чем в тюрьме. По иронии судьбы, переход из тюрьмы в дом губернатора – самая опасная часть ее дня.

Влияние идей Фуко заметно не только в описании пенитенциарных учреждений. При размышлениях о повешении Джеймса Макдермотта Грейс отмечает, что на его казнь съехались с близлежащих городов, как на шоу. Публичной была не только смерть, но и пребывание в тюрьме. Именно таким образом Сюзанна Муди, автор «Жизни на вырубках», произведения об этом знаменитом убийстве, смогла встретиться с непосредственным объектом истории. Указывая на описания в произведении провинциальной тюрьмы в Кингстоне и сумасшедшего дома в Торонто, Этвуд объясняет, что «такие об-

ществленные учреждения посещались как зоопарки, и в обоих Муди попросил показать главную достопримечательность Грейс Маркс» [2, с. 538]. Грейс, как женщина из низшего класса, становится объектом познания женщины из среднего и высшего класса, Сюзанны Муди. Здесь мы, во-первых, видим подтверждение идеи о том, что социальный класс имел непосредственное влияние на характер дисциплинирования. Во-вторых, здесь видны элементы суверенной власти. Учитывая, что наблюдения Муди имели эмпирический характер, мы можем увидеть, что дисциплинарная власть все же использовала методы суверенной.

Размышления Грейс показывают, что она – часть системы: «Я образцовый заключенный и не доставляю никаких хлопот. Так говорит жена губернатора, я подслушала, как она это говорила» [2, с. 5]. Она начинает свои фразы с шаблонов, которые сначала кажутся прямыми заявлениями о себе, а потом меняют шаблон, указывая на кого-то другого («Я образцовый заключенный», «Так говорит жена губернатора»). Вместо того чтобы отождествлять себя с другими заключенными и формировать некую коллективную единицу, Грейс классифицирует себя как отличающуюся и в чем-то превосходящую своих сокамерников («образцовый заключенный»), который соответствует модели Фуко.

В своем первом рассказе психиатру Саймону Грейс говорит: «Вам следует спросить адвокатов, судей и газетчиков, похоже, они знают мою историю лучше, чем я сама» [2, с. 46]. Взаимосвязь между властью и знанием, как это звучит у Фуко, здесь становится ясной. Практика власти, осуществляемая в пенитенциарных учреждениях, а также юридическими и научными сообществами, направлена на то, чтобы превратить Грейс, оказавшуюся в маргинальном положении и, следовательно, в безвластии, в узнаваемую личность, подлежащую надзору и контролю.

Однако речь Грейс раскрывает не только ее мысли по поводу системы, но еще и ее безумие: «Грейс говорит на ломаном языке, где семиотика постоянно нарушает символическое и обнажает пустоту, которая скрывается в ядре языка и которая одновременно создает и рассеивает понятие “субъект”. Язык становится отсутствующим, когда он пересекает виртуальное или психическое пространство, где он превращается в простой образ самого себя. “Субъект” построен на этом пространственном отсутствии и отраженной тени, но язык нарушает и отбрасывает понятие “субъекта”, тем самым допуская возможность сумасшедшего человека» [6]. Безумие становится внутренним состоянием, которое не очевидно для остального мира. Тем не менее у Грейс есть симптомы, «крошечные трещины, крошечные шорохи, которые могут взорваться чудовищным преступлением» [3, с. 205].

Фуко выделяет три «фигуры безумия»: слабоумие, мания и меланхолия, истерия и ипохондрия. Именно благодаря третьей фигуре начинает свое развитие психиатрия, которая описывает связь психических расстройств и морального аспекта. Именно истерией была больна, по мнению врачей, Грейс. В романе Этвуд в дополнение к страданию от травматической амнезии и утверждению, что Грейс потеряла часть своей памяти, связанную с исполнением убийств, героиня подвержена ужасающим галлюцинациям, припадкам, обморокам, сомнамбулизму и эпизодам двойного сознания – симптомам, типичным для истерии. Психоаналитический метод Джордана не в состоянии проникнуть в амнезию Грейс и «разбудить ту часть ее разума, которая дремлет» [2, с. 131]. Доктор позволяет героине подвергнуться гипнозу в руках доктора Джерома Дюпона. В этой ключевой сцене Грейс находится в гипнотическом трансе, и ко всеобщему изумлению появляется альтернативная личность, утверждающая, что она дух Мэри Уитни, подруги Грейс, которая умерла несколькими годами ранее от неудачного

аборта. «Она же Грейс» подчеркивает, что болезнь истерии проявилась, когда женщины как из низшего, так и из среднего класса выходили за рамки отведенного им места в домашней сфере. Мэри Уитни, например, оказывается особенно истеричным человеком из-за демократических взглядов.

Стоит отметить следующую особенность восприятия состояния героини автором романа. Она ставит под сомнение и диагноз Грейс, и явление истерии (в особенности в отношении женщин) как таковое. Однако, как нам представляется, наличие истерии у Грейс неоспоримо. Социальная мобильность героини и всяческие потрясения могли спровоцировать у нее психическую болезнь. Также стоит помнить, что XIX век – период урбанизации, из-за чего большинство представителей низшего и среднего класса находились в состоянии аномии.

Сама медицина и психиатрия всегда будут объектами наблюдения надзирателем, как отмечает Фуко, никогда не будет происходить диалога между наблюдателем и безумцем, так и между Грейс и доктором Саймоном не было никакого диалога. Она тщательно скрывала свои мысли, а он, слушая ее рассказ о жизни, никак на него не реагировал.

Расцвет медицинского дискурса психологии в девятнадцатом веке превратил тело в главную тайну, которая скрывалась под сознательным, рациональным умом и подразумевала, что это была одна из основных причин безумия. Это обеспечило то, что Фуко считал «переплетением двух великих технологий власти: одной, которая фабриковала сексуальность, а другой, которая отделяла безумие» [7, с. 185]. Тем не менее, под видом заботы о сумасшедших два дискурса объединяются в образе доктора. Как отмечает Шоултер, «врачи в девятнадцатом веке думали, что приручение безумия в убежище перевоспитало бы сумасшедшую женщину в социальном плане и обеспечило бы ее работой» [8, с. 31]. Этот концепт раскрыт в размышлениях Саймона Джордана в отношении Грейс: «Эмоция, которую она наиболее открыто выражает по отношению к нему – это сдержанная благодарность» [2, с. 422].

Таким образом, повествование в «Она же Грейс» построено на рассказе главной героини истории ее жизни психиатру Саймону Джордану. Тонкое раскрытие Этвуд того, как дискурсы создают отношения власти и культурные идеологии, имеет много общего с работами Фуко о дискурсах, безумии, власти, знании и сексуальности. Сандра Кумамото Стэнли справедливо отметила, что в романе Этвуд «Грейс воспринимается как непокорное тело, которое должно быть определено, классифицировано, сдержано» [10, с. 374].

Во время суда и после него средства массовой информации представляли Грейс по-разному: как невинную, злую, хитрого манипулятора, сумасшедшую или просто как жертву. Люди, которые писали о Грейс, спроецировали на нее все представления девятнадцатого века о женщинах, преступности, безумии, рабстве, классе и сексуальности. Этвуд показывает Грейс пойманной в ловушку формирующих дискурсов сексуальности, религии и институционализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Фуко М. История безумия в классическую эпоху/ М.: АСТ, 2010.
2. Этвуд М. Она же Грейс. М.: Изд-во «Э», 2018.
3. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы М.: AD MARGINEM, 1990.

4. *Barber M., McLean L. R. Stories of Immigrant Isolation and Despair: Canadian Novels and Memoirs Since the 1850s* L.: Palgrave Macmillan, 2016.
5. *Фуко М. Другие пространства. Гетеротопии* // М.: Проект International. 2008. № 119. С. 171–179.
6. *Toron A. The Model Prisoner. Reading Confinement in Alias Grace* // Toronto: Canadian Literature. 2011. Spring 2011. P. 12-28.
7. *Фуко М. Психическая болезнь и личность*/ СПб.: Гуманитарная академия, 2010.
8. *Showalter E. The Female Malady: Women, Madness and English Culture, 1830–1980*. L.: Virago, 1987.
9. *Stanley S. K. The Eroticism of Class and the Enigma of Margaret Atwood's «Alias Grace»* // Tulsa Studies in Women's Literature. 2002. Vol. 2. №2. P. 371–386.